

СЛОВО

въ день Срѣтенія Господня.

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей (Лук. 2, 28—30).

Молитву эту произнесъ св. праведный Симеонъ, когда взялъ на руки свои Божественнаго Младенца—Исуса Христа, принесеннаго, по обычаю законному, Іосифомъ и Марією въ храмъ іерусалимскій, въ 40-ой день по рожденіи Его.

Праведному Симеону обѣщано было, что онъ не умретъ дотогдѣ, пока не увидитъ Христа Господня. Этотъ благочестивый старецъ, какъ говоритъ преданіе, былъ въ числѣ семидесяти переводчиковъ свящ. Писанія ветхаго завѣта, съ еврейскаго языка на греческій, по порученію египетскаго царя Птолемея, и что на долю Симеона досталась книга пророка Исаи. При переводѣ словъ пророка: „*Се дѣва во чревь зачнетъ и родитъ сына, и наречеши имя ему Эммануилъ*“, Симеонъ усомнился и хотѣлъ замѣнить слово *дѣва*, словомъ „жена“, но былъ удержанъ рукою ангела. При этомъ-то случаѣ сказано было: ты не умрешь, пока самъ не увидишь исполненіе сего пророчества. Праведный старецъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать рожденія Спасителя—Богочеловѣка. Не мало

времени длилось это ожиданіе; лѣта давали уже себя чувствовать; старость и неизбѣжные при ней недуги тяготили прав. Симеона, но ожиданіе Мессіи ободряло старца въ преклонныхъ лѣтахъ и облегчало ихъ бремя. И вотъ, когда Божественный Младенецъ Иисусъ, въ 40-ой день по рожденіи Его, былъ принесенъ Маріею, матеріею Его во храмъ, старецъ Симеонъ, по внушенію Св. Духа приходитъ въ храмъ и узнаетъ въ Младенцѣ обѣщаннаго Спасителя людей; приѣмлетъ Его на свои руки и взываетъ: „*Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей!*“

Въ этой предсмертной молитвѣ праведнаго Симеона, высказаны миръ и радость души, смиреніе и благодареніе Господу, вѣра и упованіе на блаженное безсмертіе. Святой праведный Симеонъ оставляетъ настоящій міръ и его радости съ спокойствіемъ духа и мирно встрѣчаетъ смерть свою, потому что онъ своими очами увидѣлъ Божественнаго Искупителя и уготованное человѣкамъ спасеніе: *яко видѣста очи мои спасеніе Твое*,—взываетъ онъ ко Господу! Не могла не выразить подобнаго же чувства мирнаго разставанія съ жизнью и Анна пророчица, удостоенная вмѣстѣ съ Симеономъ столь неизреченной радости срѣтенія Господня.

И намъ всѣмъ, братіе, неизбѣжно предстоитъ оставить сей видимый міръ. Въ глубокой ли вечеръ жизни или ранѣе, въ преполовеніи дней нашихъ, каждый изъ насъ долженъ будетъ окончить дни своей земной жизни. Смерть—это общій удѣлъ нашъ. По суду человѣческому она представляется грозною и ужасною, и мы—дѣйствительно—страшимся смерти. Да и какъ не страшиться ея? Лишиться жизни, оставить міръ, родныхъ, друзей и все, что для насъ дорого,—невольно насъ смущаетъ и ужасаетъ. Поистинѣ было бы великое счастье для человѣка достигнуть, подобно Симеону, безтрепетнаго состоянія духа предъ лицемъ смерти, при разставаніи съ земною жизнью. И если мы, братіе, будемъ смотрѣть на кончину живота нашего очами вѣры Христовой, то и намъ не представится она страшною, какъ не представилась такою праведному Симеону.

Святая вѣра Христова открываетъ намъ, что смертію не оканчивается бытіе наше, что смерть полагаетъ предѣлъ только

временной нашей жизни, но за этимъ предѣломъ начнется для насъ другая жизнь—вѣчная, нескончаемая. Смерть разрушаетъ наше бренное тѣло, или выражаясь словами Премудраго, если и возвратится *персть въ землю, яко же бѣ* (Еккл. 12, 7), то духъ не подлежитъ разрушительному вліянію смерти; онъ возвратится къ Богу, *иже даде ео*. При томъ и самое тѣло наше, разрушенное смертію и обращенное въ землю, невѣчно будетъ въ землѣ. Настанетъ время, когда Господь послетъ предъ собою ангелы своя съ трубнымъ гласомъ велимъ, *и мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Подобаетъ бо тлѣнному сему* (Іоан. 5, 25), говоритъ апостолъ Павелъ о тѣлѣ человѣческомъ, *облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Коринѣ. 15, 53), и въ объясненіе сего приводитъ подобіе посѣяннаго хлѣбнаго зерна, которое согнивается въ землѣ, но изъ него потомъ вырастаетъ колось. Примѣры воскресенія мертвыхъ показываютъ ясно, что видимою смертію не уничтожается жизнь наша. Были примѣры, когда духъ человѣческой, разлучившись съ тѣломъ, снова изволеніемъ Божиимъ возвращался въ бездыханное тѣло. Такъ въ ветхомъ завѣтѣ, по молитвамъ пророка Елисея, возвращенъ къ жизни умершій сынъ жены соманитянки (4 царств. IV, 32—35). Пророкъ Ілія воскресилъ умершаго сына вдовицы Сарептской (3 царств. XVIII, 22). А въ новомъ завѣтѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ возвратилъ къ жизни умершую дочь Іаира, сына Наинской жены и Лазаря на четвертый день послѣ его смерти, когда уже тѣло его начало подвергаться тлѣнію. Св. апостолъ Павелъ воскресеніе мертвыхъ считаетъ столько же несомнѣннымъ, какъ несомнѣнна смерть, *якоже о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Коринѣ. 15, 22).

Для невѣрующихъ смерть—конецъ жизни, а для христіанъ—переходъ къ жизни другой, лучшей. Смерти собственно для христіанъ и нѣтъ. Она и называется у нихъ *успеніемъ*. Самъ Спаситель нашъ изволилъ не разъ выражаться о смерти, какъ о обыкновенномъ снѣ человѣческомъ. Утѣшительно и знаменательно, братіе, именованіе смерти *успеніемъ*. Этимъ до очевидности показывается сходство смерти съ обыкновеннымъ человѣческимъ сномъ. Послѣ дневныхъ трудовъ человѣкъ предается сну. Въ этомъ состояніи

закрываются у него всё внѣшнія чувства. Онъ уже ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ; все окружающее для него какъ бы уже перестало существовать. Не то же ли самое бываетъ съ человѣкомъ въ смерти, что и во снѣ? Спящій человѣкъ недвижимъ: то же и умершій. Спящій не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ: то же и умершій. Спящаго въ кругу живыхъ какъ бы уже не стало: подобенъ тому и умершій. Такъ сонъ человѣка изображаетъ собою смерть нашу. А если смерть наша подобна сну, то и взирать на смерть мы должны, какъ на сонъ. Сна не боимся; не должны бояться и смерти. О спящихъ не плачемъ; не должно плакать и объ умершихъ. Сонъ благодѣтеленъ,—онъ успокоиваетъ насъ отъ трудовъ: и смерть благодѣтельна, она успокоиваетъ насъ отъ заботъ житейскихъ, отъ суеты міра, отъ болѣзней и всякихъ бѣдъ и несчастій, которыми исполнена наша жизнь.

Каково состояніе человѣка во время сна,—весь ли онъ спитъ? Нѣтъ, только наполовину: тѣломъ онъ покоится, а душа его бодрствуетъ; тѣло его лежитъ на одрѣ неподвижно, а душа мыслями и преставленіями переносится всюду. Вѣдь извѣстны намъ, братіе—христіане, сны и видѣнія, которые обыкновенно представляются намъ во время сна. Что же видимъ въ этомъ? Видимъ образъ состоянія человѣка по смерти. И умираетъ человѣкъ не весь, а только наполовину: тѣло его мертво, а душа живетъ отдѣльно отъ тѣла и продолжаетъ свойственное ей бытіе и свойственныя ей дѣйствія. Какъ нынѣ, по погруженіи нашемъ въ сонъ, душа наша видитъ видѣнія; такъ, по смерти нашей, она будетъ созерцать новый, невидимый міръ и явленія его. Св. вѣра наша именно научаетъ насъ, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, увидитъ ангеловъ добрыхъ и злыхъ, увидитъ и рай небесный съ его наслажденіями, и адъ съ его мученіями. Не удивляйтесь, братіе, тому, какими глазами душа наша будетъ созерцать предметы загробнаго міра, когда она лишится тѣла, а съ тѣломъ вмѣстѣ и тѣлесныхъ органовъ зрѣнія. У души есть свое зрѣніе, превосходнѣйшее тѣлеснаго. Не видимъ ли мы и нынѣ во снѣ различные предметы, и часто съ какою живостію и въ какомъ свѣтѣ? Какъ бы не объясняли дивное наше зрѣніе; но оно неоспоримо принадлежитъ душѣ, а не тѣлу. Если же и нынѣ душа сама собою, безъ посредства

тѣлесныхъ органовъ зрѣнія, можетъ созерцать мысленные предметы, то не совершеннѣе ли она въ состояніи будетъ созерцать предметы духовнаго міра, по разлученіи ея отъ тѣла?

Вотъ какое сказаніе, передаетъ блаженный Августинъ. *) „Недоумѣвалъ нѣкто Геннадій врачъ, всегда милостивый къ бѣднымъ и страждущимъ,—недоумѣвалъ и сомнѣвался, какъ будетъ жить человѣкъ послѣ смерти тѣлесной? Господь, милостиво взирая на дѣятельную любовь его къ ближнимъ, благоволилъ вразумить его о продолженіи жизни загробной слѣдующимъ образомъ. Однажды во снѣ является ему незнакомый юноша и, указавъ идти въ слѣдъ за собою, вводитъ его въ какой-то городъ. Здѣсь Геннадій видѣлъ великолѣпные чертоги, обонялъ благоуханіе, слышалъ торжественное пѣніе, наполнившее душу его невыразимою радостію, и на вопросъ: что это за городъ и кто это воспѣвающіе? получилъ отвѣтъ отъ своего путеводителя, что это градъ Божій, а поютъ и веселятся въ немъ жители сего града, святые Божіи! Послѣ сего видѣнія Геннадій проснулся и скоро забылъ свой сонъ, и въ другой разъ, также во снѣ, является ему тотъ же юноша, и спрашиваетъ: узнаешь ли ты меня? Узнаю, отвѣчалъ Геннадій. А гдѣ ты видѣлъ меня? Я помню, что былъ съ тобою въ томъ неизвѣстномъ городѣ, въ которомъ такъ хорошо пѣли. Какъ же ты видѣлъ меня и городъ, и какъ слышалъ пѣніе; во снѣ или наяву? Во снѣ. И теперь сознаю, что вижу тебя и бесѣдную съ тобою также во снѣ. Но гдѣ же теперь твое тѣло? Въ моей комнатѣ. И ты сознаешь, что въ настоящее время глаза твои закрыты въ тѣлѣ, и ничего не видятъ,—что слухъ твой и языкъ также не дѣйствуютъ? Какими же глазами смотришь на меня; какъ слышишь мой голосъ, какъ говоришь?... И такъ, вразумись, что и по смерти и безъ тѣлесныхъ очей, ты будешь видѣть, и безъ тѣла, до всеобщаго воскресенія, будешь жить. Вѣрь сему и несомнѣвайся о жизни души по смерти тѣла. Юноша сталъ невидимъ. Это былъ ангелъ Божій“. Такой примѣръ не ясно ли показываетъ намъ, что смерть подобно сну, не уничтожаетъ жизни нашей, и какъ послѣ сна человѣкъ снова пробуждается, такъ и мы, по мановенію

---

*) Повесть блаженнаго Августина въ письмѣ къ Евودیю.

воли Божіей, нѣкогда пробудимся отъ смертнаго сна для жизни нескончаемой. Посему не можетъ смерть страшить насъ прекращеніемъ земнаго бытія нашего, и свойственная намъ любовь къ жизни не должна съ этой стороны возмущаться смертію.

Впрочемъ этою одною надеждою еще не можетъ разсѣяться совершенно страхъ смертный. Если нескончаемо житіе наше за гробомъ, то какова страна, въ которую перейдемъ мы изъ сего міра и какова будетъ тамъ жизнь наша? Вотъ вопросы, которые заботливо могутъ занимать насъ при исходѣ изъ міра сего. Свят. вѣра Христова и при этомъ просвѣщаетъ и успокоиваетъ насъ. Она, насколько нужно для нашего ободренія и спасенія и сколько это доступно нашему разумѣнію, приподымаетъ завѣсу, скрывающую отъ взоровъ нашихъ таинственную вѣчность. Она указываетъ намъ по ту сторону гроба страну блаженнѣйшую и называетъ ее: то *царствомъ Божиимъ*, то *градомъ Бога живаго*, то *домомъ Отца небеснаго* (Марк. 9, 47. Евр. 12, 22. Іоан. 14, 2), гдѣ вѣрующимъ и любящимъ Бога уготованы такія блага, о которыхъ и вообразить себѣ мы теперь не можемъ. А потому, при мысли о таковыхъ благахъ жизни будущей, мы должны успокоивать себя, переходя въ блаженную вѣчность. Правда, не всѣхъ насъ ожидаетъ блаженство въ будущей жизни: праведныхъ—блаженство, а грѣшныхъ—вѣчныя мученія, отъ одного представленія которыхъ ужасъ объемлетъ душу. Ибо праведный Судія скажетъ тогда несчастнымъ грѣшникамъ: *не вѣмъ васъ, отступите отъ Мене вси дѣлатели неправды* (Лук. 13, 27). И пойдутъ они, вмѣстѣ съ погибшими духами, въ страшное мѣсто адскихъ мученій. Кто же, повидимому, можетъ спокойно отойти въ вѣчность,—кто похвалится *чистъ быти отъ скверны*? Кто можетъ устоять на судѣ предъ Богомъ, на томъ страшномъ судѣ, когда Сынъ человѣческой явится во всей славѣ Своей праведнымъ Судією, не только дѣлъ нашихъ, но самыхъ словъ, и не только словъ, но и самыхъ сокровенныхъ желаній и помышленій? Но истинно вѣрующій, совершая при всякомъ удобномъ случаѣ заповѣданныя Евангеліемъ добрыя дѣла, сознавая виновность свою предъ Богомъ, уповаешь преимущественно на многое и неизрѣченное милосердіе Божіе и словами пророка взываетъ: *помилуй мя Боже по великой милости Твоей и по множеству*

щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое!... Уповаеть и на искупительную жертву, принесенную за грѣхи всѣхъ людей Спасителемъ нашимъ, Который *есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ, и не о нашихъ же точию, но и всего міра* (Іоан. 1 посл. 2, 2). Такъ, или подобно сему дерзаетъ взывать ко Господу вѣрующій и любящій Его; а когда представленіе о страшномъ судѣ Божиемъ будетъ порождать въ душѣ мрачныя и скорбныя мысли и возмущать предсмертный духъ его, онъ взываетъ къ душѣ своей: *вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя, уповай на Бога!*

Послѣ сказаннаго говорить ли о томъ, какой миръ, какое невозмутимое спокойствіе почерпаетъ при смерти истинно вѣрующій въ таинствахъ вѣры? Въ таинствѣ покаянія онъ получаетъ прощеніе всѣхъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ, которыми онъ въ продолженіи земной жизни своей прогнѣвлялъ Господа. Ибо вѣрно слово Христово: *елика аще разрышите на земли, будутъ разрышени на небесѣхъ*. Въ таинствѣ причащенія вѣрующій принимаетъ въ себя истинное Тѣло и Кровь Христовы, какъ нетлѣнный залогъ наслѣдія жизни вѣчной и тѣснѣйшаго соединенія со Христомъ. Ибо самъ Спаситель изрекъ: *ядый мою плоть и пійай мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ. Ядый мою плоть и пійай мою кровь иматъ животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 54).

И такъ, братіе христіане, для истинно вѣрующаго нѣтъ ничего страшнаго въ смерти. Будемъ же въ духѣ вѣры совершать возможно болѣе добрыхъ дѣлъ здѣсь на землѣ, не опуская ниодного случая, вызывающаго на добро, и, подѣ руководствомъ святой церкви, готовить себя къ мирной и непостыдной христіанской кончинѣ живота нашего. Аминь.

Священникъ Василій Космаковъ.